

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О РЕАКЦИОННОЙ И ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ

В выступлениях против реакционной печати Салтыков прежде всего касался изданий М. Н. Каткова — журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», — ставших в начале 60-х гг. на крайне правые позиции.

Не преминул сатирик высказаться и об органах либерально-буржуазной прессы — газете А. С. Суворина «Новое время», которая в конце 70-х гг. определялась как одна из самых умеренных и благонамеренных газет, и газете «Санкт-Петербургские ведомости», отличавшейся поверхностным либерализмом и провозгласившей лозунг «Наше время — не время широких задач», подвергшийся осмеянию сатириком.

Крайне правая печать даже не находила нужным маскировать свои реакционные идеи. Журнал «Русский вестник», выражая свое консервативное направление, прямо писал о желании выполнять охранительные функции в литературе: «Мы не откажем <ся> также от своей доли полицейских обязанностей в литературе, — и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек; но будем заниматься этим *искусством не для искусства*, а в интересе дела и чести»¹.

На откровенно полицейский, охранительный характер реакционной печати, усилившийся в связи с ростом освободительного движения, Салтыков-Щедрин указывал в статье «Литературные будочники (Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. вед.» и № 66 «Нашего времени»)» (1863): «Новый 1863 год внес и новый элемент, новые привычки в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества»².

Щедрин видел, какую роль играли один из идеологов и вдохновителей реакции М. Н. Катков и его издания. О всесилии М. Н. Каткова, пользовавшегося покровительством правительственных кругов и, в свою очередь, оказывающего влияние на них, Салтыков в письме к Г. З. Елисееву от 20 января 1883 г. писал: «Времена наступили злые. Катков делает что хочет и пользуется этим, чтоб отомстить» (19, кн. 2, 175).

Салтыков-Щедрин понимал и истинный характер либерально-буржуазной печати, ее поверхностную оппозиционность, которая с изменением обстоятельств сменялась отступничеством. Наиболее влиятельной буржуазной газетой, современной Щедрину, была «Новое время». Такой она стала после приобретения ее в 1876 г. А. С. Сувориным. Определенное время А. С. Суворин вел газету в либерально-оппозиционном духе, что принесло ей популярность, рост подписчиков и прибыли издателю. Затем А. С. Суворин изменил позицию и превратил «Новое время» в реакционный орган.

На приобретение А. С. Сувориным «Нового времени» Салтыков так откликнулся в письме к П. В. Анненкову от 9/21 марта 1876 г.: «На журнальном горизонте взошел новый пятиалтынный. Суворин купил «Новое время» (18, кн. 2, 275). Сатирик сразу же уловил возможную эволюцию и суть суворинского либерализма. В письме к Н. А. Некрасову от 11/23 мая 1876 г. Салтыков писал: «Я сегодня еще писал к Лихачеву³, что девиз «Нового времени» — неуклонно идти вперед, но через задний проход» (18, кн. 2, 291).

Щедрин показал причины, вызвавшие распространение буржуазной прессы и условия ее существования. Если в дореформенное время газетная пресса в России была представлена преимущественно различными официальными «ведомостями», то в пореформенный период, с ростом капиталистических отношений, стали во множестве возникать ежедневные газеты, принадлежавшие частным издателям. Салтыков считал, что это изменение нельзя признать плодотворным, оно не способствует развитию общественной мысли.

Если ежемесячные журналы отличались, как правило, определенной

последовательностью в проведении своего направления, то «газету до такой степени охватывают мелочи дня, что даже самый добросовестный состав редакции не может от времени до времени не впасть в противоречия, а что касается до деятелей прямо недобросовестных, то им тут широкое поле» (13, 629).

Читатель понимает это и потому к колебаниям прессы относится довольно снисходительно. «Во-первых, он понимает, что газета не претендует на деятельность строго литературную, а представляет собой лишь образец литературного проворства; во-вторых, ему небезызвестно, что каждый день может привести за собой такой вопрос, о котором человеку неподъяремному и думать-то противно и по поводу которого подъяремная газета *должна* во что бы то ни стало высказаться, тогда как ежемесячный журнал может и промолчать» (13, 629).

Газета стремится завоевать «успех в публике» (13, 620), укрепить свое финансовое состояние. И тогда «речь идет уже не о том, чтобы обсуждать насущные вопросы добросовестно, а только, чтоб «подать горячо» (13, 630). Доходы газеты во многом завясят и от того, имеет ли она, кроме постоянных подписчиков, право на розничную продажу. Угроза лишения этого права, применяемая в качестве карательной меры за публикацию негодных властям материалов, «...самым вредным образом действует на независимость и достоинство газеты» (13, 630), она ведет на путь соглашательства и компромиссов.

Стремясь привлечь к себе больше читателей, газета находится как бы «между двух огней». С одной стороны, ей необходимо сохранить за собой право на розничную продажу, с другой стороны, ей надо «оживлять столбцы» (13, 630), ибо в противном случае ее перестанут читать. И здесь, чтобы соблюсти эти два несовместимых условия, надо обладать поистине змеиной мудростью. «Право на розничную продажу требует сдержанности и хорошего поведения, что, при известной дозе добросовестности, угрожает газете бесцветностью. Напротив, потребность уловить читателя требует «горяченьких». Как согласовать это противоречие. Является вопрос: об чем и как говорить?» (13, 630—631).

Торжество в обществе злых начал и инстинктов, равнодушие к общественным интересам, казнокрадство, хищение крупных общественных сумм — все эти вопросы печать только констатирует, не вскрывая их причин, а «...если и разъясняет кой-что, то или совсем по-детски, или уж до того нелепо-злостно, что лучше бы уж и не касаться» (13, 632).

Передавая впечатление от чтения газет, Щедрин писал: «Едва ли не десять лет сряду, каждое утро, как мне подают вновь полученные с почты органы русской мысли, я ощущаю, что мною начинает овладевать тоскливое чувство. Иногда мне кажется, что вот-вот я сейчас услышу какое-то невнятное и ненужное бормотание о том, о сем, а больше ни о чем; иногда сдается, что мне подадут детскую пеленку, в которой новорожденный младенец начертал свою первую передовую статью; иногда же просто-напросто я воочию вижу, что в мой кабинет вошел дурак. Пришел, сел и забормотал. И я не могу указать ему на дверь, я должен беседовать с ним, потому что это дурак привилегированный: у него за пазухой есть две-три новости, которых я еще не знаю» (10, 401—402).

В своих сатирических произведениях Салтыков-Щедрин отразил характер буржуазной прессы и создал ряд обобщенных образов ее деятелей — издателей, редакторов, корреспондентов.

Тип журналиста-приспособленца, деятеля либерально-буржуазной прессы Салтыков-Щедрин создал в книге «В среде умеренности и аккуратности» в образе Молчалина 2-го, издателя и редактора либеральной газеты «Чего изволите?»

Молчалин 2-й пришел в печать в ту пору, когда «...главные роли в литературном деле заняли не литераторы, а менялы и прохвосты...» (12, 68). Он получил воспитание в военно-учебном заведении, где пристрастился к правописанию. До прихода в литературу держал табачную лавку, затем накопленные деньги использовал на создание газеты.

Молчалин 2-й не имеет четкой линии, «...он день и ночь словно в котле кипит: все старается, как бы ему в мысль попасть, а кому в мысль и в какую мысль — и сам того не ведаст» (12, 68). Удел Молчалина 2-го — постоянный страх перед цензурой. Он «так боится, так боится, что, можно сказать, вся его жизнь — лихорадка одна. Впал он, грешным делом, в либерализм, да и сам не рад» (12, 69).

В той же книге «В среде умеренности и аккуратности» в очерке «Тряпичкины-очевидцы» Салтыков коснулся беспардонности буржуазной прессы. Уже в самом названии очерка «Тряпичкины-очевидцы» заключена издевка, так как оба корреспондента газеты «Краса Демидрона» (Подхалимов 1-й и Подхалимов 2-й), известные редакции как «...молодые люди чрезвычайно талантливые, добросовестные и, главное, непьющие» (12, 212) и посланные на театры военных действий в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., 1-й — на Дунай, а 2-й в Малую Азию, оказались на самом деле во внутренних губерниях России. При этом оба Подхалимовы вели довольно легкомысленный образ жизни, а один из них — Подхалимов 1-й — посылал в редакцию газеты корреспонденции об успехах русских войск. «Одиссея» Подхалимовых кончилась тем, что они были задержаны в Чебоксарах как беспаспортные бродяги.

Что же касается третьего корреспондента, Ящерицына, посланного на малоазнатский театр войны вместо Подхалимова 2-го, от которого редакция не получила никаких известий, то Ящерицын принял в Сызрани место квартального надзирателя «весьма и весьма небезвыгодное» (12, 248). Узнав об этом, редакция «Красы Демидрона» понадеялась, что он возвратит ей подъемные, поверстные и кормовые деньги, полученные от газеты.

Беспринципность и продажность буржуазной прессы Щедрина показал и в «Современной идиллии» на примере той же «Красы Демидрона», «газеты ассенизационно-любоэстрадной, выходящей в дни публичных драк» (15, кн. 1, 61), «...служащей органом политических и литературных мнений Егарева и Малафеева»⁴ (15, кн. 1, 56), и облике ее «редактора по вольному найму» (15, кн. 1, 56) Очищенного.

Рисуя этот образ, Щедрина смело и остроумно использует фантастическую деталь: на щеке Очищенного выступала такса за оскорбления и побои, которые он готов переносить при условии денежного вознаграждения. О нравственном облике Очищенного говорит и его прошлое: он «...бывший проносский помещик, преданный суду за злоупотребление помещицьею властью, а впоследствии тапер» в увеселительном заведении сомнительного свойства. Немаловажна и такая деталь: будучи тапером, Очищенный «...был почтен от квартала секретным поручением по части внутренней политики» с вознаграждением «десять рублей в месяц» (15, кн. 1, 77).

В конце романа «герон» «Современной идиллии» — рассказчик и Глумов — сами стали деятелями продажной прессы. Приняв предложение «известного мецената и мануфактур-советника Кубышкина» (15, кн. 1, 277), они стали редактировать газету «Словесное одобрение», в которой пропагандировали кубышкинские ситцы. В этой газете нашлось место и Очищенному, на него возлагалось ведение отдела «Наш петербургский high life *» (15, кн. 1, 278).

Наблюдая в пореформенный период подчинение прессы в России интересам буржуазии, констатируя корыстный и беспринципный характер печати, Салтыков-Щедрина в «Письмах к тетеньке» («Письмо одиннадцатое») писал: «Я признаю, что в современной русской литературе на первом плане должна стоять газета и что в этой газете должна господствовать публицистика подсиживанья, сыска и клеветы. Допускаю также появление на сцену борзописцев, которые не могут доказать, где они вчера ночевали, и у которых нет других слов на языке, кроме слов, не помнящих родства...» (14, 409).

* Высший свет (англ.).

В качестве образчика подобной прессы Щедрин приводит газету «Помои — издание ежедневное» (14, 396). Уже одно имя редактора-издателя этой газеты — гоголевского Ноздрева — говорит о характере издания. Другой характерный штрих, говорящий о продажности газеты, — это слух о том, «что главный воротило в газете — публицист Искарриот. Не тот, впрочем, Искарриот, который удавился, а приблизительно. Ноздрев даже намеревался его ответственным редактором сделать (то-то розничная продажа пошла!), но не получил разрешения, потому что формуляр у Искарриота нехорош» (14, 396).

Как видим, по отношению к реакционной и беспринципной буржуазной прессе Салтыков-Щедрин был настроен резко отрицательно и бескомпромиссно. Что же касается органов демократической печати — журналов «Современник» и «Отечественные записки», то о них он отзывался с большим уважением. С этими изданиями были связаны годы творческого расцвета и активности писателя.

¹ Рус. вестн. 1861. № 1. С. 483—484.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1965—1977. Т. 5. С. 299. В дальнейшем все ссылки на сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы. В тех случаях, когда том делится на книги, то после тома указывается книга.

³ Лихачев Владимир Иванович (1837—1906), юрист, либеральный общественный деятель. Упомянутое письмо Салтыкова к В. И. Лихачеву неизвестно.

⁴ Егарев Василий Никитич, Малафеев Василий Михайлович — владельцы увеселительных заведений в Петербурге.